

Евгения Чая

участковая
ВЕДЬМА
книга 2

Евгения Чая

Участковая ведьма. Книга 2

«Автор»

2026

Чая Е.

Участковая ведьма. Книга 2 / Е. Чая — «Автор», 2026

Участковая ведьма Августина Жигалкина собирается замуж за Самсона Смирнова. Но ей ещё надо решить, как быть с интриганом Кошеем, который угрожает деревне Лукогорье. Да и других дел немало! В этой книге читатели познакомятся с не-царевной лягушкой, Горынычем и чудесным почтальоном Лавочкиным. А главное, что закончится всё хо-ро-шо! Внимание! Это вторая книга, связанная с первой "Участковая ведьма. Книга 1"!

© Чая Е., 2026

© Автор, 2026

Евгения Чая

Участковая ведьма. Книга 2

ПРОЛОГ

Ступа и метла ждали у входа в районное отделение загса. Рядом собралась небольшая кучка детей, с интересом разглядывавших инвентарь Бабы-Яги. Когда на крыльцо вышла молодая пара, мальчики и девочки даже не обратили на них внимания. Только потом, заметив, что оба в парадной форме, зашушукались: на мужчине был голубой берет и камуфляжная униформа спецназовца, а на девушке – юбка и китель милиционера. Фуражку она держала в руке.

– По какому поводу собрание? – добродушно спросила женщина-милиционер.

– Бабу-Ягу ждём, – пояснил самый храбрый из ребят. – Интересно, чего она тут забыла?

– Разводиться с Кощеем прилетела, – хихикнул кто-то.

– Чтобы развестись с Кощеем, надо сначала за него замуж выйти, – сказала женщина-милиционер. – А она, насколько я знаю, вообще пока не замужем. Да и потом, как бы они вдвоём с Кощеем поместились бы в ступе? А?

Дети переглянулись.

– Ну а тогда зачем она?.. – спросила самая высокая девочка с двумя светлыми косичками.

– Что нужно Яге в загсе?

– Ну, вы подумайте пока, а мне домой пора, – сказала женщина, обняла рукой спецназовца, поцеловала его при всех в щёку и...

И парень подхватил её, посадил в ступу, а затем тоже поцеловал. После чего метла очертила на пыльном асфальте круг, а ступа взвилась в воздух.

– Ого! – радостно загомонили дети. – Вот это тётенька!

– Это участковая ведьма, – сказал парень в форме спецназовца. – Из Лукогорья.

– А вы тогда кто? – спросила девочка с косичками. – Не Кощей же? Зачем на Бабе-Яге женитесь?

– Во-первых, не всякая ведьма Яга, хотя всякая Яга – ведьма, – ответил парень. – А во-вторых, я не Кощей. Я медведь.

– Михайло Потапович, что ли? Ну... почти похожи, – снисходительно сказал один из мальчиков.

– Михайло Потапович – это мой прадед, – пояснил спецназовец. – А дед – Потап Михайлович. А меня зовут Самсон Нилович.

– Значит, ваш папа – Нил Потапович, правильно? – спросила ещё одна девчушка, коротко стриженная, в розовых шортиках и футболке с олимпийским Мишкой.

– Верно, кнопка, – Самсон Нилович слегка щёлкнул её пальцем по носу. – А почему не в школе, кстати? Будний день, между прочим, вторник...

– Так двадцать девятое мая уже. Каникулы у нас! Уже со вчера, – радостно загомонили дети.

– Каникулы? Ну так бегите, отдыхайте! – засмеялся спецназовец.

А сам, заправив пальцы за форменный ремень, направился к отделению милиции. Дети поглядели ему вслед, пошушукались и побежали куда-то весёлой, гомонящей, хохочущей стайкой.

Лето обещало быть интересным.

ГЛАВА 1. Звал волк козу на пир

– По мосту пройдёшь ровно до середины, и стой там, никуда дальше не ходи, – наставляла Ядвига Антоновна. – Там с Кощеем говори, как бы он ни настаивал на другом. Если стражи там уже появились – скажешь мне потом, я сама схожу.

– Какие ещё стражи? – спросила Августина.

– Обычные. С той стороны, случается, караулят всякие чуды-юды, чтобы кто невзначай в Навь не пожаловал просто так. Борозды-то нет теперь, – Ядвига с досадой сплюнула в кусты цветущей дикой малины. – Как же раздражает это всё, кто бы только знал, кто бы только знал! А если люди живые в лесу заплутают? Я даже не знаю теперь, что с кем будет, кто от чего помереть может...

– Мне почему-то кажется, что Лукогорье теперь не опасно, оно же на этой стороне реки, не на той, – сказала Ава. – А вот отсюда туда им пока нельзя. Карантин!

– Да вот то-то же и оно. Нежити здесь много, места всё ещё заповедные, а границы никакой. Глядишь, сюда теперь и на машине доехать можно.

– Пока нельзя, – откликнулся из-за забора Лесник. – Не едет, глохнет у самой горелой полосы. Так что многое по-прежнему, кроме разве что парочки пугающих меня подробностей.

– Чего там тебя пугает, старый чёрт? – ворчливо спросила Ядвига.

– Вот чертей не видал, – ничуть не смутился Лесник. – Но что нечисть здешняя за полосу расползается, мне не нравится. Не следит за нею никто.

– А я нанималась? Это Кошеева забота, – рявкнула Баба-Яга. – Авонька, ты вот хоть скажи ему, пускай свою рать приберёт к рукам, да поскорее. Не то зайвится к нам карательный отряд от инквизиции... И так живём как по минному полю гуляем!

– Спокойно, Ядвига Антоновна, – сказала Августина. – Всё должно быть хорошо. Вот сходим сегодня к Кошееву в гости и разузнаем, что да как.

– Ты до сих пор ему веришь, – горько сказала Яга.

– Он, конечно, интриган и подлец, – кивнула девушка, – но пока всё, что он говорил, так или иначе оказывалось правдой. Он по-своему честен.

– Он говорит правду только тогда, когда ему это выгодно, – буркнула Ядвига Антоновна. – Слушай меня, Авонька, я долгую жизнь прожила: у него в этом свои интересы, и они не закончились одним лишь восстановлением былых границ. Река Смородина – это только начало. Дальше больше будет.

– Ну не мир же он завоевать хочет, в самом деле, – засмеялась Августина, хотя смешно ей не было.

– Мир не мир, а вот его часть запросто, – сказала Яга серьёзно. – Ладно, девонька, идите уже. И не поминайте лихом!

С Самсоном она и просто так бы дошла, пешком, хотя так было дольше. С ним интересно было болтать, шутить, смеяться. Они пошли бы, взявшись за руки и обсуждая – да вот хоть бы грядущую свадьбу. Позавчера заявление подали, а потом в загсе посоветовали: сходите к начальству, люди вы оба служивые, может, вам и сократят срок между подачей заявления и бракосочетанием. В итоге и правда сократили, спасибо капитану Малецкому и его другу – председателю сельсовета! Теперь через две недели можно было и настоящую свадьбу сыграть. Но раз уж обещали Лукогорью устроить в пятницу вечером пир горой, то так тому и быть.

А потому – ветер в ушах, медвежий горб, за который скользко и трудно держаться, и бег оборотня, такой быстрый, будто на газике с открытым верхом мчишься. Прижалась Августина к спине медведя, вдыхала тёплый запах нагретой солнцем шерсти. И беспокойно было у неё на сердце. А сердцу своему девушка доверяла, ни разу оно её не обманывало.

Следом за оборотнем попевала верная волчица Рейчел. Светло-серой тенью, такой же быстрой, как медведь Самсон. Иногда пропадала из виду, иногда появлялась среди кустов и деревьев.

Молча и быстро двигались они трое к заветному мосту через реку Смородину, ещё не пробудившуюся после полувековой спячки. И всё же видно было, что Излучина, где располагалось Лукогорье, постепенно отдаляется от мира живых. Здесь всё больше попадалось сухо-

стоя, в застоявшихся лужицах не кипела жизнь, по кустарникам не щебетали птицы, а только каркали где-то в кронах деревьев вороны да тявкали тоскливо галки.

Августина уже знала: возможна жизнь по оба берега реки Смородины, самая обычная жизнь, с нормальными дорогами и обыкновенными удобствами, к которым давно уже привыкли люди в городах. И попасть в Навь по мостам в других местностях вполне даже можно, но только при определённых условиях. Место настолько обнажённого потустороннего берега – всё ещё аномалия. И если не принять меры, аномалией и останется.

Но о мерах ей пока только предстояло узнать. И на Калиновом мосту нынче должна была состояться встреча с Кошеем, который пообещал объяснить, что к чему.

Ну как пообещал... сказал просто. Не поклялся и, кажется, не был до конца честен. Иначе при всех бы сразу сказал ещё несколько дней назад. Значит, держал, держал Кошей камень за пазухой, и почему-то собирался встретиться с Авой наедине. Уж не затем ли, чтобы этот камень швырнуть?

– Не ходите за мной, – ступив на мост, сказала Августина Самсону и Рейчел. – Ждите здесь.

– Нет уж, погибать – так вместе, – упрямо сказал Самсон и тоже шагнул.

Да только остался на месте. Обернулся из медведя в человека, да и только. Не вышло у него оказаться на мосту, сколько бы ни старался. Рычал, ругался, проклинал Навь и её царя на чём только белый свет стоит, а всё без толку. Не пустил его мост. И Рейчел тоже там осталась.

Ава шла и думала: вот и её что-то не отпускает. Не про мост это, а про её должность Бабы-Яги. Тоже своего рода аномалия, не иначе! Но мост был невелик, и додумать девушка не успела.

Вышел навстречу Кошей Бессмертный. На сей раз не в подштанниках, но и не в доспехах. Был на Кошее кафтан чёрный бархатный, серебром шитый, и высокая шапка, подбитая собольим мехом. Широкие чёрные штаны были заправлены всё в те же чёрные щегольские сапоги с каблуками, и меч в ножнах болтался едва не до земли.

– Исполать тебе, Яга Августина свет Витальевна, – сказал Кошей, не склоняя головы.

– И тебе не хворать, товарищ Кошей Бессмертный, – сказала Августина, кивая. – Говори, не медли, хочу земли Лукогорья от смерти спасти.

– Кому смерть, а кому бессмертие, Августина, – ответил Кошей, глядя ей в глаза.

Страшный у него был взгляд. Белые глаза с водянистыми радужками чуть голубоватого цвета, бездонные мутноватые зрачки. Белые брови и седые неопрятные волосы, свисавшие из-под шапки, словно паутина. И, зачарованная этим мёртвым взглядом, Ава сделала шаг и ещё шаг, пока не коснулась протянутой навстречу костлявой руки.

И рука та была едва тёплая, и пальцы сомкнулись мёртвой хваткой. Вздогнула Ава, задрожала, как осиновый лист, и хотела бежать назад – да поздно.

– Не бойся меня... товарищ участковая ведьма, – сказал Кошей, тщетно пытаясь смягчить низкий грубый голос. – Вопреки тому, что говорит обо мне старая Яга, не такой уж я коварный и жестокий. Раздели с одиноким старцем его скромную трапезу, миром тебя прошу. За столом всё и обсудим.

– Даже в Лукогорье не всем есть разрешается, чтобы здесь не остаться, – напомнила Августина. – Что уж про Навь говорить? Съем там что-нибудь, да навеки в Нави и останусь.

– Не прошу ничего вкушать, просто посиди рядом, – попросил Кошей. – Я страшно одинок. Присутствие рядом молодой женщины заставляет вспомнить о том времени... когда я ещё был живым.

– Ядвига Антоновна предупреждала, чтобы я не переступала границы Нави, – сказала Ава и отступила на шаг в сторону живой стороны.

Засмеялся Кошей.

– А куда мосток-то перекинут? На какой стороне Лукогорье? Уж не на Навьей ли? – спросил он.

– Чего ж тут непонятного, товарищ Кощей? – в тон ему спросила Ава. – Лукогорье аккурат внутри изгиба Излучины находится. За ним русло и перед ним русло. Потому ведь и возникла эта спорная территория, разве нет? И пока ещё здесь земля живых.

Кощей как будто слегка смутился.

– Но погляди, товарищ участковая ведьма, – сказал он, – русло-то ещё пока не заполнено, ручеёк бежит пока тоненький, едва живой. Только за год река восстановится, не раньше.

– Так тем более, – не сдавалась Августина, – какой тебе резон, царь-батюшка, заманивать меня подальше от Самсона Ниловича и моей верной волчицы?

Она порядком устала от этого недолгого разговора. Понятно было, что зачем-то Кощей хочет её сманить к себе, но для чего? Даже без Ядвирино предупреждения она бы теперь насторожилась.

С её точки зрения Кощей вёл себя... ну, как преступник, что ли. Только забыл, что перед ним не жертва, а представитель самой что ни на есть советской милиции. Со всеми правами, обязанностями и даже какой-никакой, а властью.

Но на этот раз сама Августина забыла, что власть её тут, на мосту, становится почти незначительной. А сделай она всего два, три шага – и Овсе её полномочия попросту обратятся в прах. И если б девушка об этом вспомнила, стало бы ей страшно. А так – только слегка не по себе. Уж очень она не привыкла пасовать перед сложностями!

– Ну что же, всё равно не поможет тебе твой Самсон, а уж с волчицей я справился раз – и в другой совладаю, – сказал Кощей и подошёл к Аве вплотную.

Тут, на «живой» части моста, его шаги замедлились, мертвенно-бледное лицо словно высохло, и последние намёки на мышцы истончились. Сделался Кощей практически мумией, а Августине Жигалкиной на её нелёгкой службе приходилось видеть настолько высохший труп лишь однажды. И она дрогнула, споткнулась, схватилась за плохо оструганные перила...

А потому пропустила, когда Кощей взял её за плечи и заглянул в лицо, обдавая затхлым дыханием вечности:

– Хочешь знать, как Лукогорье от беды спасти? Да не сумеешь, если собой не пожертвуешь, Августина Жигалкина. Не бывать двум Ягам на одной территории, а Ядвига уже выбрала свою роль. Так что тебе следует хорошенько подумать над тем, что придётся за эту грань шагнуть и остаться здесь навеки. А женой моей будешь или пленницей, я, так и быть, предоставлю тебе решить самостоятельно. Только решай уж поскорей, потому что времени у тебя в обрез.

– Почему? – только и сумела вымолвить Ава.

– Потому что мало остаться у меня в гостях, Августина свет Витальевна. Надо ещё наследника зачать, выносить и родить. Время поджигает, так что сутки тебе на раздумье, а потом приду и спрошу: да иль нет. Скажешь

«нет» – имеешь право – будешь повинна в том, что вся деревня станет домом для нежити. Поняла?

И, к ужасу Авы, которая была не в силах сопротивляться, поцеловал девушку в губы. То был не горячий поцелуй любви. Не походил он на те ласки, которыми одаривал Самсон, изнывая от желания и не переходя черту. То был поцелуй мертвеца, холодный и страшный, и вкус у губ ледяных был как у мороженой рыбы.

Ава еле вырвалась из костлявых объятий, толкнула Кощея от себя – он ступил, очевидно, за ту самую грань и снова стал похож на относительно живого человека. Блеснули светлые глаза, окрасилось подобием цвета мёртвое лицо. Волосы и брови вдруг стали темнее, будто часть жизни Августины передалась Кощею через поцелуй.

И на левой руке, на безымянном пальце, само собой появилось кольцо – на вид будто бы серебряное, но уж очень тяжёлое и холодное. Серебро ведь быстро от человеческого тела теплеет! Но это кольцо оставалось ледяным.

– А я ведь почти пожалела тебя, когда об одиночестве заговорил, – с горечью сказала Ава.

– Так я и не шутил, правду сказал. Если б было у тебя сердце не такое чёрствое, разжалобилась бы, – сказал Кощей, усмехаясь. – Ну, а раз не разжалобилась – воля твоя. Сутки тебе даю. Хотя нет: даже больше, я ведь добрый жених, понимающий. С близкими попрощаться, с бывшим своим напоследок помиловаться... Всё можно, но лишь до завтрашнего вечера! И не забудь, Августина, от твоего решения судьба людей теперь зависит. За кого замуж пойдёшь – с тем и помрёшь, как говорится.

И ушёл, стервец. За его спиной сомкнулся густой сероватый туман, из которого смотрели на Аву две пары оранжевых глаз, похожих на сигнальные огни.

Опомнившись, девушка побежала назад, к Самсону и Рейчел, и долго не могла вымолвить ни слова. А когда поняла, что может говорить – никак не сумела рассказать о разговоре с навьим царём.

– Вот подлец, – только и могла повторять она. – Вот же подлец!

И, обхватив Самсона обеими руками, прижавшись к нему, заплакала.

– Да что ж такое-то, – растерялся парень. – Или мне, как богатырю русскому, придётся пойти и Кощею по шапке надавать?

– Нет. Домой пойдём, – запросилась Августина, с трудом, но всё же беря себя в руки. – В своём доме и стены помогают... Подумаем, как быть, может, и придумаем что-нибудь.

– Так и не расскажешь, что там случилось? – спросил Самсон, поглядывая на мост.

– Не могу. Видимо, зачарована, – вздохнула Ава.

ГЛАВА 2. Что ж ты вьёшься, чёрный ворон?

– Говорррун, – коротко рявкнула Рейчел, когда они шли по лесной дорожке – молча, переваривая каждый своё.

– Что? – спросила Ава.

– Говорун. За нами летит, – пояснила волчица.

– Эх, двустволку бы, – пожалел Самсон. – Уж я б его, прихвостня Кощеева!..

– Да где он? – крутила головой Августина. – Не вижу!

– Ааа, разойдись, требую освободить посадочную полосу, – раздался сверху весёлый голос ворона.

Ну как же на голос Кощея похож! С одной разницей: живой, бойкий. Не такой страшный. Однако Августина радоваться не спешила.

– Привет, Ава, – сказал Говорун, садясь на тропинку прямо перед девушкой: большой, важный.

– Чего тебе? – хмуро спросила она. – Пришёл шпионить на хозяина?

– Да я как бы это, – вдруг смутился ворон. – Я, можно сказать, уволился. Хе-хе. Да.

– Врёт небось, – не поверила Рейчел. – Вррёшь?

– Ну вот ни капельки, – заверил Говорун. – Можете в меня сколько хочешь зелья-правдорубки влить, не вру ничуть. Я почему от Кощея ушёл? Потому что полюбил вас, мои вы хорошие.

– Да? И за что же? – хмыкнул Самсон, явно примеряясь, чтобы наподдать ворону ногой.

Тот, видно, что-то заподозрил и перелетел на Августино плечо. Кабы не погон, то было бы, наверно, больнее, но и так кожу сквозь рубашку он когтями знатно прихватил.

– Аййй, – сказала девушка. – Ну вот что! Никакого зелья у меня с собой нет, но если не будешь говорить мне правду, я тебя прокляну. Чтоб у тебя все перья повыпадали, а вместо них выросли мох и шерсть кошачья, понял?

– Понял, понял, – сказал ей прямо в ухо Говорун. – Но я правда ушёл. Порвал с Кощеем последнюю связь, так что больше уж не сможет он в меня превращаться.

– А говоришь ты почему? – с подозрением спросила волчица.

– Ты видишь выпавшие перрррря? Нет? – огрызнулся ворон. – Вот и помалкивай, собака ты сутулая. Я ещё до полуночи говорить смогу, не заткнёте. Потом стану обычной птицей, улечу на юг свои старые раны лечить – только вы меня и видели. Но перед тем хочу тебе, Августина, кое-что наедине шепнуть.

– Почему наедине?

– Потому что на меня тоже запрет наложен на кое-какие слова и действия, как и на тебя. Не можешь ведь ни сказать, ни пером описать, что тебе Кощей-батюшка наговорил? И я не могу.

– И как тебе уединение поможет? – спросила Ава всё ещё недоверчиво.

– Темнота, – каркнул Говорун. – И ты, и я одним словом закляты. Уж найдём общий язык.

– Если с ней хоть что случится, если хоть ещё одну слезинку уронит – я из тебя суп сварю и собакам скормлю, – предупредил Самсон.

– Ни одна собака такое есть не будет, – рыкнула Рейчел.

– Пойду, – сказала Августина, – послушаю. Ничего со мной не случится. Интуиция.

– Говори уж, – сказала Августина, когда они отошли на приличное расстояние. – Ренегат.

– Чего? – не понял Говорун, садясь на сухой сук на уровне Авиной головы. – Ты меня, что ли, перебежчиком теперь считаешь? Час от часу не легче.

– А кто ты?

– Я неспррраведливо пострадавший от царррского режима, произвола хозяина и мага, – сообщил ворон, топчась на суку, будто кошка на одеяле. – Думаешь, легко сепарироваться от Кощея? Он же меня со свету сживёт, когда опомнится.

– Странно, что не сжил. И меня отпустил на подумать, – сказала Августина задумчиво.

– И не боится же, что сбегу?

– Курррражится, – вздохнул ворон. – Власть свою кажет. Мне вот чудится, что он меня как будто до конца и не отпустил, за язык хватает, говорррить мешает.

– Да ты ж не умолкаешь, – подивилась Августина.

– Ну да! А важное не говорррю, – пожаловался Говорун.

– То есть он слышать нас может, – поняла Ава. – Тогда ничего и не выйдет. Идём к нашим.

– Да я назло скажу, накаркаю! – заорал вдруг ворон так, что Ава вздрогнула. – Не соглашайся! Деррревню другим способом спасти можно! Необязательно от Кощея дитё ррр...

Тут и прозвучал откуда-то выстрел. Ава запоздало вскрикнула, тут же сработали защитные чары, наложенные на служебную форму и оружие. Словно топором рубануло по воздуху, когда обрушился на неё закрывающий от бед щит... Как в замедленной съёмке, увидела она несколько дробин, пролетевших буквально мимо её глаз и носа.

Да только не в неё целился невидимый охотник. Дробинки впились в дерево, высекая мелкую щепу, и в ворона, выбивая пух да перья.

– В книге, в книге можно найти... и про то, как проклятого супостата одолеть, и как Лукогорррье... вырррручить, – с трудом сказал Говорун. И замолчал.

– Говоруша, ты только живи, – взмолилась Ава, – потерпи, дружок, сейчас я тебя вылечу. Неужто Кощей за это ничего не будет?

– Не будет, он же бессмертный, – бросил Самсон, который тут же оказался рядом.

И Рейчел сунулась под руку.

– Не поможешь ему, – сказала безжалостно, глядя на неподвижную тушку ворона. – Нет у тебя некромантской силы. Погостный маг ещё туда-сюда бы помог...

– Только их поблизости не водится, – вздохнул Самсон. – Раньше был километрах в сорока отсюда, в Ручейках, но теперь его там нет.

Августина всё не верила, всё шептала над вороном заговоры, но Говорун умер.

– Успел что сказать? – спросил Самсон деловито.

– Успел, – сказала Ава, вытирая слёзы. – Нам в избушку надо, да поскорее.

– Вызывай ступу, – сказал Самсон, – а я горе-охотничка поищу.

– Даже если найдёшь, – сказала Рейчел, – он будет ни сном ни духом. Как и я. Кощей управляет чужим оружием. Вполне мог и через тебя, и через Аву действовать.

– Да ну, не, – не поверил медведь. – Да и потом, всё равно надо с браконьерами бороться, а то распоясались...

Августина покружилась, посвистела, притопнула – всё как положено, и лишь потом сказала Самсону:

– Если мы не начнём действовать решительно, то и браконьерствовать в этих местах некому будет. Кроме разве что нежити какой. А с этим стрелком всё просто... А ну, лесовик Ерофей, появись!

ГЛАВА 3. Кто в лес, кто по дрова

Ступа прилетела как на реактивной тяге, как только метла из неё не выпала – непонятно. А вот лесовик не появился, зато возникла как будто ниоткуда маленькая, в пол человеческого роста, женщина, одетая в ситцевое платье и детские резиновые сапоги. Из её встрёпанных зеленоватых волос торчали ветки и мох. Самое удивительное, что глаза диковинная женщина подкрасила синим карандашом, а губы – красной помадой. Красавица, да и только!

– Нету Еропы. Я за него. Чего изволишь, Яга? – буркнула она.

– О, лесовиха, – удивился Самсон.

– Лешачиха, – поправила его Ава. – А с Еропой-то что?

– Расстроен сильно, – пояснила женщина. – Если энто ваше Лукогорье канет с концами, ему отсюда выхода не будет. К друзьям не сходит, чужие леса не поглядит. А ему энто любо и дорого. Не одни живые, знаете, страдают.

Подумала, шмыгнула носом и протянула Аве грязноватую ладонь-лопаточку.

– Маша я, жена Ерофеева. Не из самых древних лесовиков, моложе Еропы лет на двести, но положиться на меня всё ж таки можете. Чего хотели-то?

– Покажи, пожалуйста, Маша, кто в ворона Говоруна выстрелил. Непорядок это, что люди ходят, из дробовиков почём зря палят, – сказала Ава.

– А, ну это просто, – лешачиха хлопнула в ладоши, а затем сунула грязные пальцы в рот и засвистела так, что деревья пригнулись, а некоторые и затрещали.

И почти в тот же миг оказался поблизости плюгавый старичок Степан Луков из Лукогорья. Его Ава уже несколько раз успела поругать: то зайчиху подстрелит, а у них сейчас как раз маленькие зайчата, то косулю беременную притащит. Добро мясо бы деревенским было надобно, а то от скуки стреляет, а куда потом добычу девать – даже не думает.

Стали спрашивать Степана, а он и не помнит, как тут с ружьём оказался. Озираясь и жалобно причитая, поведал:

– Сам не знаю! Даже и не думал сегодня охотничать, хотел на реке с удочкой посидеть. И вдруг бац, и уже в тебя, товарищ участковый, целюсь. Жуть меня взяла такая, что ни в сказке сказать. Вот будто леший вместо меня ружьём управляет! Поднатужился, сбил дуло влево – да и стрельнул. Вот попал в ворону, жаль птицу, конечно... Но, зато ты, товарищ участковый, живая... Или не рада?

Последнее он сказал с мертвящей насмешкой, копируя интонации Кощей. И в глазах его Августина увидела черноту. Всего на секунду промелькнула она и пропала. Снова стали глаза Степана выгоревше-карими, с лёгкой зеленцой. Говорят ещё про такой цвет: болотный.

– Не он это ворона подстрелил, да и никакой не леший, – сказала лешачиха Маша.

– Да так и есть, – с досадой сказала девушка. – Кощей, видимо, может в сознание человека проникнуть и управлять им.

– Запросто может, – подтвердила Рейчел. – Я же так и говорила.

– Вряд ли Кощей это сильно легко даётся, иначе он бы не стал к тебе на той неделе ворона подсылать, – возразил Самсон. – Ну что с тобой делать-то, дед?

– Да я ж говорю: как силой кто меня сюда приволок и стрелять заставил, – повинился старик Степан. – Я-то за милиционерку испугался.

– Так и мы испугались, – Самсон хлопнул браконьера по плечу, отчего тот изрядно присел. – Ладно, иди до дому, дедуля. Не ходи тут больше. Тем более – с ружьём.

Затем обвёл взглядом остальных: заплаканную Августину с мёртвым вороном в руках, сердитую, взъерошенную Рейчел, насупившуюся Машу-лесовиху и буркнул, что пора выдвигаться.

– Пока до избушки доберёмся, уже часа два небось будет. А у нас хлопот полон рот. Чья-то там свадьба завтра, а у нас кто в лес, кто по дрова.

Он был не в духе. И Ава прекрасно его понимала! Но вот незадача: насчёт свадьбы она тоже ни слова не смогла выдать. Не могла сказать, что придётся повременить, пока всё не выяснится, не могла объяснить, в чём причина, как не могла и рассказать о беседе с Кошеем.

Избушка и Ядвига Антоновна активно готовились к свадьбе. Вместо таблички с именем участкового инспектора над дверью красовался плакат «тили-тили-тесто, здесь живёт невеста». А в спальне Ава нашла белое платье, похожее на сложенные друг на друга подушки, украшенные кружевной накидкой. Венчала этот наряд фата, подозрительно напоминавшая тюлевые занавески. Как ни была измучена Ава, как ни тревожили её мысли о Кошее, как ни угнетала страшная гибель ворона – она всё же улыбнулась. Понятно было, что избушкина магия преобразила в подвенечный наряд самые обычные вещи. На избушкин же вкус, разумеется.

– Кура, – сказала Августина, – если честно, я бы предпочла просто свою парадную форму. Белая рубашка, серая юбка, серый галстук...

– Угу, и пилотка с кокардой, – саркастично заметила избушка.

– Зачем пилотка, фуражка, – устало возразила Ава.

– Ни за что, только через мои дрова, – рявкнула Кура. – Невеста должна быть как безе на тортике, жених как пряник сладкий, – тут она заговорила певуче и восторженно. – Это на моей памяти первая свадьба Яги, а ты мне всё испортить хочешь?!

– Я не Яга, – напомнила Августина.

– Ступа считает иначе, – выдвинула железный аргумент избушка. – Недоуволила тебя Ядвига.

– Всё потому, что должность Бабы-Яги длится вечность, – пробормотала вполголоса Ава, но изба её услышала.

– Кто это тебе сказал? – прицепилась тут же.

– Кощей, в тот раз ещё, – махнула рукой девушка. – Слушай, избушка, Курочка моя ненаглядная, давай насчёт свадебного наряда особенно беспокоиться не будем. Если ты уж так хочешь – давай я в журнале платье выберу, а ты сотворишь. Только не из белья и занавесок, я за тканью в райцентр сгоняю после обеда. Мне и талон дали в свадебный салон...

– Ты в райцентре где свадебный салон видела? – возмутилась Кура. – Там разве что венки из бумажных розочек найдётся, и тот скособоченный, даже в гроб в таком стыдно будет.

– Ну платье тогда готовое... Не могу я таком виде на людях появиться, – Ава кивнула на подушечное платье.

В горле вдруг встал комок. Дело, конечно же, было не в платье самом по себе. А в том, что свадьбы-то как таковой может и не случиться. И в том, что решение Августина никак не могла принять. Но что делать?

– Ты вот лучше, Курочка, скажи, да всю правду доложи, – сказала девушка, – есть ли такая книга, в которой можно про навь почитать? И про феномены вроде нашего, когда живая деревня в излучине реки мёртвых оказалась.

– Река сама по себе настоящая была, вовсе не мёртвых, и Смородиной никогда не называлась, – откликнулась избушка. – Рекою мёртвых её делала лишь магия Кощея. И можно было когда-то вполне спокойно на тот берег попасть что по мосту, что по воде, не очутившись при этом в нави. Магия, мост, определённые обстоятельства для перехода... А вот как два мира, потусторонний и этот, перемешались, я уж не ведаю.

– А где и кто может это поведать? Говорун, – Ава с трудом сглотнула, – Говорун перед гибелью поведал, что есть книга про этикие вещи. Мне бы такую! Чтобы и о проклятиях там, и об аномалиях... и про Бессмертного тоже.

Губы опасно онемели: слишком близко подвела девушка к запретной теме, на которую запретил говорить Кошей. Ох и мерзавец! Даже шанса не дал всё честь по чести объяснить Самсону, посоветоваться с ним, просто поплакаться.

– Если такая и написана, то я о ней не ведаю, – призналась Кура. – Но поищу, чего уж там. И кстати! Ты не думала инспектора Апокалипсиса об этом спросить? Он, по-моему, в книгах толк знает, да ещё в закрытые отделы библиотек может проникать, а я... Ну, я только как по простому абонементу.

– Инспектора? Это Кирилла ты имеешь в виду? Тот ещё тип, – Ава вспомнила редкую книгу в руках очкарика. – Ну можно, наверное, только как я с ним связаться могу? Не нарушать же опять всякие правила, тем более, что я и не знаю, какие именно придётся нарушить... и как за то расплачиваться буду.

– Ну да, птичку за таким не пошлешь, – согласилась избушка. – Тут подумать надобно. Ладно, иди покушай, а я пока поразмыслию. Самсон тебя там заждался, не начинает есть без тебя. А я лапшу спроворила куриную, он любит.

Самсон...

Меньше, чем за месяц, имя стало родным. Лицо стало родным, глаза. И как теперь в них смотреть?

Августина наскоро переоделась в домашнее платье и поплелась в кухню.

За столом сидели только Ядвига Антоновна и Самсон, ждали Аву и переговаривались. При её появлении они одинаково склонились над глубокими фаянсовыми тарелками и стали шумно дуть на лапшу.

– Игнатьев твой заходил, – сказала Ядвига. – Сказал, что скамеек маловато, так собирать ли стулья по деревне?

– Если каждый придёт со стулом или табуреткой, так небось и хватит, – сказал Самсон. – Столов хватает, я у Никиты спросил. Тот говорит – нормально, поместимся.

Ава почувствовала, как у неё губы повело: вот-вот опять разревётся.

– Я не знаю, как сказать, – призналась она. – Не могу. Печать...

– Лучше не пытайся, – испугался Самсон. – Говорун вон попробовал, и вон что!

– Я его похороню, – сказала Августина. – Но только... Мне придётся как-то дать вам знать, особенно тебе, Самсон. Я вот только придумаю!

– Написать тоже не можешь? – спросил он.

Ава пошарила в кармане платья. Нет, конечно, блокнот и карандаш остались в комнате, в сумке-планшетке. Избушка поспешно явила под руку несколько листов сероватой писчей

бумаги и бело-синюю шариковую ручку. Однако сколько девушка не пыталась вывести хоть что-нибудь путное, ничего не выходило.

– Каракули одни, – сказала она.

– Ну и хорошо, – заявила Ядвига. – Я тебе как Баба-Яга скажу: нет такого заклятия, которое обойти нельзя. Или снять. Так что давай-ка я на тебя погляжу, свет мой, и решу, чем тут помочь можно.

И после обеда вывела Августина во двор да и поглядела.

– Кольцо, значит, – сказала, глядя на серебристое украшение на пальце Авы. – А Самсон-то, похоже, его не видит. Но успокою тебя как могу: серьёзных чар на колечке нет, смотреть за тобой и подслушивать Кощей через кольцо не может.

– Снять его как-нибудь можно? – спросила Августина. – Тяжёлое и холодное очень.

– Зачем на левую-то руку? – рассуждала сама с собой Ядвига. – Что за назначение у кольца? Неужто он тебя...

И вдруг резко замолчала. Словно тоже запрет на слова о жениховстве Кощей получила.

– Ядвига Антоновна? – нерешительно спросила Ава.

– Он, видать, не уgomонится, пока мы с тобой не поменяемся. Сразу, наверно, хотел, чтобы ты хранительницей моста была, не думал, что я вступлюсь. Теперь вот неволит тебя. Угадала я?

Августине очень хотелось покачать головой, сказать «нет». Но голова сама собой кивнула.

– Ааа, старую Ягу не проведёшь. Ничего, Авонька. И не таких побеждали. Пристроим, погоним! И Лукогорье спасём! Но для начала тебе надо замуж за Самсона выйти, чтобы Кощей, окаянная душа, понял, что ты ему никак уж не принадлежишь.

Ава шмыгнула носом.

– Понятно, – сказала она сдавленным голосом и поскорее побежала искать Самсона.

Выйти или не выйти... Да пока всё ещё неясно, что там будет дальше. Пока – просто обнять, крепко-накрепко, прижаться всем телом, чтобы задохнуться от чувств, охвативших душу и сжавших сердце.

– Ну чего ты? – спросил Самсон, и Ава услышала, как приятный низкий голос гудит в его груди.

– Ничего, – ответила тихо. – Поцелуй меня, пожалуйста.

ГЛАВА 4. Долог день до вечера

Остаток дня был полон суеты: вся деревня дружно хлопотала по поводу предстоящего праздника. Радость объединила людей. И тем больше Аве было наблюдать за этим оживлением.

И ведь ни минутки покоя! То одно, то другое. К вечеру из Раево приехал Августинин начальник, капитан Малецкий, которого привычно довёз Лесник на телеге, и привёз в подарок добрую весть.

– Райсовет разрешил вам как молодожёнам вселиться в казённое помещение, которое было отведено под жильё участкового. До тебя же были участковые у нас, правда, недолго, – сообщил капитан, пожимая руки Самсону и Августине. – Это, конечно, не бог весть что...

– Это пристрой к моему дому, – пояснил Лесник, почёсывая бороду, – и оно настолько не бог весть, что участковые там и не задерживались. Особенно который зимой прибыл.

– Знаем мы, почему они тут не задерживались, – ворчливо сказал Малецкий. – Вовсе не из-за жилья.

– Жильё тоже роль сыграло, – сказал Лесник.

– Короче, идём смотреть? – спросил капитан.

– Позже, – ответил за обоих Самсон. – Тут такое дело, товарищ капитан – сейчас невеста у нас не в духе по причинам, от нас и вас не зависящим, и лучше пока оставить всё как есть. Давайте вы нам ключи и документы на жильё на свадьбе вручите, хорошо?

Выпроводив капитана и лесника, Самсон повернулся к Аве.

– Хочешь, всех разгону? Хочешь, свадьбу завтра отменим? – спросил серьёзно. – Хочешь, унесу тебя за тридевять земель, никакие Кощеи тебя не отыщут?

Августина только покачала головой.

– Если б это решило все проблемы, – сказала она с горечью. – Если б это Лукогорье спасло!

И снова губы опасно онемели, словно замёрзли.

– Ты вся холодная, руки ледяные, – удивлённо сказал Самсон. – В такую-то жару.

Ава прижалась к нему и тихо выговорила:

– Так согрей меня.

Он словно только и ждал этого предложения, с такой готовностью припал к губам Августины. Да только избушка была тут как тут.

– А до свадьбы я не обещала не вмешиваться в ваши делишки, – кашлянула она по-старушечьи.

– Тьфу на тебя, Кура, – огорчился Самсон. – Умеешь вот момент испортить!

Но Ава едва смогла оторваться от него, так хотелось, чтобы поцелуи никогда не прекращались. Да что там... перешли бы уже в более напряжённую фазу. Но в окно уже стучался очередной посетитель по поводу предстоящего торжества.

– Эй, хозяйка, принимай груз, – весело сказали снаружи, и в распахнувшееся окошко въехал большой проволочный ящик со звякающим содержимым. – Двадцать штук. Хватит ли?

От тёмно-зелёных бутылок со знакомой надписью «Советское» так и веяло грядущим торжеством.

– Ого, – сказала Ава. – Андрей, ты где ж такое добыл?

– Для любимой женщины – хоть звёздочку с небес!

– Ну что ты мелешь? – возмутилась избушка. – Для какой ещё любимой женщины?

– Тот же вопрос, – тихо, но с угрожающей интонацией рыкнул Самсон.

– Для любимой женщины Хранителя Самсона, – нимало не смутившись, ответил Уколов. – Готов подарить самое дорогое, но потом решил, что шампань будет уместнее.

Нельзя было не признать: Уколов здорово разрядил обстановку. Жаль только, что Ава никак не могла никому объяснить, что, скорее всего, ничего этого не понадобится. Ни ключ от половины дома, ни ящик драгоценного пойла, которое ассоциировалось с праздничными застольями, ни пышное платье, ни фата...

Девушка шмыгнула носом.

– Тащи всё в сарай, – велел Самсон Уколову.

– Я ещё вот что хотел сказать: давешнего мазурика опознали, – сообщил Андрей, забирая шампанское. – Дело по нему открыли и сразу закрыли, я постарался, чтобы эта ваша вода живая и мёртвая ни в один протокол и отчёт не попала.

– Спасибо, товарищ старший лейтенант, – сказала Ава, намекая, что Уколову пора.

И он, наконец, пропал из окна.

Вечером Августина вышла на крыльцо, и Рейчел, где-то почти весь день проспавшая, выбралась из кустов. Потянулась, села рядом, положила голову на Авины колени. Ни дать, ни взять – собака! Ава осторожно погладила волчицу по массивному лбу, почесала за ушами.

– Хочешь, я ему всё расскажу? – спросила вдруг Рейчел.

– Что? – не сразу поняла Августина.

– Р-раскажу, что с тобой происходит, – пояснила волчица. – Я чувствую кольцо, хоть и не вижу, и понимаю, что случилось. Этот Бессмер-ртный, он тебя к себе хочет забрать. Хочет, чтобы ты ему ребёночка р-родила, да?

– Откуда ты знаешь? – встревоженно спросила Августина.

– Я твой фамильяр-р! Во мне – часть твоей души, – напомнила волчица. – Я могу всё Самсону рассказать. И он всё решит.

– Не вздумай никому говорить, – испугалась Ава. – Забыла, что с Говоруном стало?!

– Ну расскажи тогда ему сама! Чего ты мучаешься? – возмущённо заговорила Рейчел. – Предложи поиграть в вопрос – ответ, не сможешь сказать – кивнёшь!

– Боюсь я за него, – ответила девушка.

– Боишься? Тогда, значит, уйдёшь к Бессмер-ртному? Чтобы он победил и радовался? – удивилась волчица. – А если он обманет? Что, если он взамен тебе деревню не спасёт, а? Всякому уже тут ясно, что он врун. Нет ему веры!

– Я и сама задавалась этим вопросом, – ответила Ава. – Но пока ответов у меня нет. Подождём, вдруг избушке повезёт, вдруг она найдёт нужную книгу?

– Я считаю, надо Кощея нейтр-рализовать, – зарычала Рейчел. – Нельзя тебе сдаваться. Нельзя! Подумай, что с Самсоном будет? И со мной? И разве у Самсона не больше на тебя прав? Разве ему не надо знать?..

Ава только поникла и отвернулась от волчицы. Конечно, Самсон имел право знать, что происходит, но даже прибегнув ко всяческим хитростям, она не могла ему ничего сказать. Выстрел, убивший Говоруна, звучал в ушах.

– О чём болтаем, девушки? – спросил Самсон, по своему обыкновению появляясь со стороны леса и продираясь через кусты смородины и боярышника.

– Да так, о своём, о девичьем, – ответила Ава поспешно.

– О Кошее, – сказала Рейчел. – Задумал недоброе, на Аву позаррился. Подробности сказать не могу.

Девушка испуганно охнула, но ничего особенного не произошло. Разве что в наступившей тишине звенели дружным хором комары. Звенели, но подлетать не спешили, потому что Августина была такой ведьмой, которая не терпела укусов. И нарочно брызгалась отваром полыни с добавлением гвоздики и ванили, и чары специальные на себя накладывала.

– Ах вот в чём дело! – протянул Самсон. – Можете дальше не рассказывать.

И огляделся по сторонам.

– Я что-то такое примерно и подозревал, – сказал он, садясь на землю возле избушкиного крыльца. – Но мы же не собираемся сдаваться?

Ава сначала пожала плечами, но потом резко кивнула. Сдаваться ей не хотелось. Условия Кощея были несправедливыми и неприятными. Неприемлемыми для неё!

– Пойдём прогуляемся, – Самсон протянул большую руку ладонью вверх. – В любой сомнительной ситуации я выбираю пройти по лесу.

– Ррр, – встрепенулась Рейчел, но Самсон потрепал её по шерстистому загривку.

– Это прогулка только для двоих, – сказал он.

– Подожди, накину что-нибудь и сапоги надену, – сказала Августина.

И уже через минуту они вышли на тропку, что тянулась от околицы, где стояла избушка, и направились в лес. Обернувшись, Ава увидела, как Рейчел сидит у ограды и чешет задней лапой ухо.

ГЛАВА 5. С милым рай и в шалаше

В лесной чаще было по-вечернему тихо и как-то по-особенному темно. Кажется – глаз выколи, но как только взгляд привыкнет, то воздух становился прозрачней, и всё было видно.

Самсон уверенно вёл Августину по еле заметной тропинке. Девушка с удивлением поняла, что тропка эта как будто слегка светится в ночной мгле. Не собьёшься! Когда они гуляли в прошлые разы, ничего такого вроде бы не было! Правда, обычно они выходили на лесные прогулки до наступления темноты, выбирались куда-нибудь на склон и любовались видами. Ну и болтали, а порой целовались – долго и самозабвенно. А после возвращались по натоптанной, наезженной дороге, уверенно ведущей через лес в деревню.

Сейчас же Самсон явно выбрал другой путь, и от этого почему-то было весело и немного волнующе. Сладко замирало что-то в груди, словно предчувствие уже подсказывало, что именно ждёт в конце тропы.

– А куда идём? – спросила она, не надеясь, впрочем, что парень ответит.

– Я придумал для тебя сюрприз, – решительно сказал Самсон. – Сделал кое-что в лесу – правда, приготовил это на завтра. Но раз такие обстоятельства, то зачем ждать?

– Чего ждать? – Ава даже слегка притормозила, понимая, предвкушая – и боясь.

– Идём, – засмеялся Самсон, как всегда, чуткий к её настрою. – Ничего не бойся, я с тобой. Ты же знаешь, я никогда не сделаю тебе больно или плохо, а в нашем с тобой случае «никогда» – это очень долго.

– Ты мог бы хоть как-то, ну... подготовить, – сказала Ава, смущаясь и стесняясь.

Никто никогда не говорит об этом самом прямо и честно, о том, что должно случиться между мужчиной и женщиной. Поэтому нельзя быть готовым на все сто. И хотя девушка знала, что рано или поздно это произойдёт, она так же точно знала, что не будет достаточно готова. Нельзя так сразу.

Поэтому Ава остановилась. Самсон по инерции прошёл ещё пару шагов, а затем обернулся. Усмехнулся – Августина скорее услышала лёгкое «ффф», чем увидела его лицо. И подошёл, чтобы обнять.

– Я никогда не сделаю тебе ничего плохого, клянусь всеми силами этого мира. И да, я позвал тебя с определёнными целями, но если ты не захочешь – ни за что не буду настаивать. Ты хочешь вернуться? Давай вернёмся и подождём. До завтра, до следующего месяца, до будущего года, сколько понадобится.

– Что я тебе, девочка бестолковая, что ли? – слегка рассердилась Ава. – Идём. Небось уже почти дошли? Хоть посидим в тишине, без лишних ушей, ртов и глаз.

– И прочих частей, – попыток Самсон, взял и подхватил Аву на руки.

До его «сюрприза» и впрямь оказалось недалеко.

Заранее сложенный костёр вспыхнул и озарил небольшую полянку, и Ава едва не удрала от этого туристского уюта, потому что он напомнил ей неудачный опыт прежних лет. Да, вот так можно сбить весь настрой, и надо было заранее предупредить Самсона, что походы она не любит. Не из-за самих походов, а из-за навязывания их весёлым туристом Севкой, с которым Ава поэтому и рассталась.

Но вслед за костром на деревьях стали зажигаться желтые и зеленоватые фонарики. Сколько их тут было? Не сосчитать. Как будто светлячки слетелись и расселись по ветвям. И недалеко от костра была совсем не палатка, а небольшая избушка, почти такая же милая, как Кура, только не на ножках и, кажется, довольно новая.

– Милости прошу к нашему шалашу, – сказал Самсон. – Желаете посидеть, на огоньки посмотреть? Каши походной откусать, песен солдатских послушать?

И Ава кивнула, соглашаясь, потому что внезапно и каши, и песен, и даже огоньков захотелось невыносимо. Здесь не надо было слушать чужую весёлую трескотню о предстоящем торжестве, не надо было ни с кем совещаться по поводу стола и украшений клуба, и вообще... ничего не надо было. Сиди себе в покое, укутавшись в плед, слушай, как потрескивают в костре дровишки и как поёт Самсон...

– Каша-то хоть не из топора? – спросила девушка.

Самсон подкатил поближе к костру брёвнышко, подал Аве одеяло, сел поближе к ней и сказал:

– Обижаешь. Настоящая гречневая каша с настоящей тушёнкой. Ммм!

– Вообще я походы не очень люблю, – сказала Августина, принимая из рук парня миску и ложку. – Но сегодня почему-то люблю.

– Потому что это не поход, – заявил Самсон, – это отдых.

– А огоньки? – спросила Ава. – Откуда гирлянды взял, электричества же тут нет?

– Еропа наколдовал, – ответил Самсон, – он может, если как следует попросить.

– Надеюсь, ты для этого его не пытал, – неуклюже пошутила Ава.

Долго, долго сидели они у костра – болтали, ели кашу, пили чай. Всё остальное отступило на задний план. Пропал в ночи весь мир с разными большими и маленькими проблемами. Был только уютный выхваченный светом огня кружок, в котором нашлось место лишь двоим.

И Ава сама не заметила, как перестала ждать чего-то тревожащего, а просто села к Самсону поближе. От его руки на талии шло тепло и ощущение надёжности. Дальше всё пошло как-то само собой – встали, взялись за руки, сплели пальцы и отправились в избушку.

Здесь было тихо, сильно пахло травами и совсем чуть-чуть – дымом, и не было ничего, кроме брошенных на пол перин. От них почему-то пахло прохладной свежестью, как с мороза.

Но сначала Ава и Самсон самозабвенно целовались возле окна, пока у девушки не стали сами собой подгибаться ноги. Только тогда она подумала, что они могли бы лечь, и тихая, тёплая волна нежности затопила их обоих с головой. Самсон был предупредителен и чуток не только на словах. Он точно знал, чего хочет и чего может опасаться девушка, он предугадывал – и своим присутствием заставлял все сомнения отступить прочь.

Да и какие теперь могли остаться сомнения? Августина понимала, что ещё при первом знакомстве на лесной тропе всё было заранее известно и предопределено!

Только один раз они замешкались. Самсон вдруг прервал все ласки и поцелуи и на секунду замер.

– Что такое? – шёпотом спросила Ава.

– Подожди, я не спросил... У меня есть, – он вдруг смутился, как мальчишка, – я ведь не знаю, как ты относишься... А?

– А понятнее? – не выдержав, фыркнула Августина.

– Предохраниться, – сдавленно сказал Самсон.

– Ни за что! Мы с тобой почти уже женаты, и, – Ава потянула мужчину на себя, – никаких предохранений. Я люблю тебя. Я хочу, чтобы у нас были дети. Я хочу... тебя.

Ой, как это ужасно прозвучало! Развратно, просто ужас! Ава даже чуть похолодела оттого, что подумала: вдруг такое не понравится Самсону? Однако Самсон только обрадовался этим словам. И уже без разных там заминок они продолжали и продолжали, пока не выдохлись. Они уснули почти сразу, счастливые в объятиях друг друга.

А проснулись, когда уже было светло, и в окошко заглядывала белка, сновавшая туда-сюда по наличникам и ставням. Августина выглянула наружу и увидела, что у погасшего костра лежит, положив морду на вытянутые лапы, верная Рейчел.

Кое-как одевшись, девушка выбежала к волчице. Но та, подняв голову, посмотрела совершенно чужими жёлтыми глазами.

– Рейчел, Рейчел, – опешила Ава, а волчица вдруг ощерилась и зарычала. – Рейчел!

Зверь встал на лапы, пригнув голову, скаля клыки.

– Что такое? – спросила девушка, но Рейчел не ответила, только встряхнулась и побежала в сторону леса.

И Августина скорее почувствовала, чем поняла: связь между нею и фамильяром превралась. Отныне Рейчел сама по себе, она не скажет ни слова, не ткнётся ласковой мордой в ладонь.

– Кошей, – процедила Ава и почти зарычала – прямо как волчица! – Так, значит?

– Что такое? – спросил Самсон, который выбежал из избушки в одних только штанах.

– Что случилось?

– Кошей как-то отвязал от меня мою Рейчел. Теперь она уже не мой компаньон, – сказала Ава с досадой. – Теперь у меня её нет, понимаешь?

– И ты беззащитна перед смертью, – сказал Самсон. – Вот же мерзавец... Зачем ты ему? Чего он хочет? Сколько у нас времени?

– По-прежнему не могу сказать, – ответила девушка.

И даже от этих слов губы сковало. Враз вернулись все страхи, и на левой руке дало о себе знать ледяное кольцо Бессмертного.

ГЛАВА 6. (Самсон) Что имеем не храним, потерявши плачем

Рейчел, сколько Ава ни звала, не подошла, убежала в лес и не вернулась. В конце концов Самсон убедил девушку, что им пора. Августина расплакалась. Кляня про себя Кошея Бессмертного и чувствуя собственную беспомощность, парень повёл Аву по лесной тропке обратно к Лукогорью.

Он уже понял: не будет нынче никакой свадьбы. Да и не до гулянки уже было Самсону, отстоять бы невесту.

Возле избушки в некошенной пыльной траве стояла ступа с прислонённой к ней метлою. Соседская рыжая курица ходила рядом, что-то клевала, подзывала цыплят, уже немножко подросших, пёстреньких, суетливых. Ограда тут была чисто символической, жердины для плетня, да и только. На одной такой жердине сидела и грызла семечки Баба-Яга, Ядвига Антоновна. Из-под юбки торчали обутые в сине-белые кеды ноги: живая и с обнажённой белой костью.

Будь проклят этот Кошей. В голове Самсона только и вертелось, что обрывки сказок про иглы, шук и серых волков. Кисло, конечно. Надо было что-то предпринимать, пока не поздно, и парень подошёл к тётке, встал рядом. Баба-Яга подвинулась, давая ему место на жердине, и протянула газетный кулёк с семечками.

– Ядвига Антоновна, – сказал Самсон, прислоняясь к плетню спиной. – Что дальше-то? Он же ни одного хода не даёт сделать.

– Да? Мне показалось, ты свой ход сделал в правильном направлении, – сказала Яга. – Повенчаться бы вам ещё. Да вряд ли успеете. Тут, в Лукогорье, даже часовня давным-давно пуста. Ближайшие священники у нас где? В Лазаревке да в Ручейках. В Раево сейчас нет ни одного попа...

– Тётя Яда, – с упрёком сказал Самсон, который давным-давно, с детства, так не называл Ядвигу, – ну что за бред? Какое венчание, какие попы? Я отродясь крест не носил, да и пристало ли нам? Оборотень и ведьма, и вдруг в церковь пойдут?

– Тогда древний обряд провести хоть, вокруг дерева обойти, только волхва вам раздобыть надо, – не сдавалась Ядвига. – Иначе как бы не вышло беды.

– Беда уже тут, – сказал Самсон. – Давай вспоминай, что у тебя есть на Кошея. Полное досье не помешало бы.

– На кого тебе тут досье? – неожиданно раздался голос со стороны сарая на цыплячьих ножках.

– На Кошея, Андрюха, на Кошея, – ответил Самсон, даже не оборачиваясь.

Уж кого-кого, а товарища оперуполномоченного Уколова он узнал бы по одной только вьедливо-насмешливой интонации.

– Любую сказку открой, – сказал Уколов. – Там всё чёрным по белому: у Лукоморья дуб, на дубе ларец, в ларце заяц... И далее по тексту.

– Ну давай пойдём все дубы в округе околачивать, – рассердился Самсон.

– Давай. А зачем? Что случилось? – спросил опер. – Если он чего нарушил, то я могу произвести задержание. Если на свадьбе его видеть не хотите – оформлю на пятнадцать суток по хулиганке. Ещё и на исправительные работы в его исполнении полюбуемся! Ну как тебе план?

– Пошли дуб искать, – в шутку сказал Самсон.

Хотя и не до шуток было.

– Зазноба-то наша где? – осведомился Уколов беспардонно.

– Не наша, – с тихой угрозой ответил Самсон. – Моя.

– Ух, медведь-собственник какой, – хмыкнул опер. – Так где? У меня до неё дело.

– Выходной у неё нынче. Слышал про такие? – сплюнув шелуху от семечки далеко в лопухи, спросила Ядвига Антоновна.

– Дело государственной важности, по давешнему жмуру. От таких дел выходных не бывает, – в тон ей ответил Андрей. – Хотя и вы мне, Ядвига Анатольна, подсказать можете. У Бабы-Яги выходных точно нет.

– Антоновна я, – неприязненно отозвалась Яга. – Чего надо-то, говори.

– Когда живая вода перестает работать, а? Или мне покойника мёртвой окатить ещё раз? А то он всё по камере бегает, шуршит, как таракан. В башке пусто, глаза мёртвые... Мне алко-голиков и тунеядцев сажать некуда, кпз не резиновая вообще-то!

– Как бегает? – всплеснула руками Ядвига и чуть не свалилась с плетня. – Батюшки-светы, неужто не подох ещё?

– Пришёл бы я до вас раньше времени, если б он не бегал? – Уколов посмотрел с укоризной. – Личное время стал бы тратить, зря туда-сюда гонять? А вы чего такие смурные-то? Или свадьбу решили зажать? Тогда требую свой подарок назад!

– Грабки прибери свои, – сказала Ядвига Антоновна. – Завтра приводи своего покойника сюда, посмотрим, что сделать можно.

– Почему его сразу мёртвой водой не побрызгали? – с недоумением спросил Самсон. – Зачем живьём в райцентр потащили?

– Дак он лежал смирно, я уж думал – вся эта вода живая либо выветрилась, либо её действие кончилось, как за Борозду... гм... бывшую перешли.

– Борозды уж нет, – встревоженно сказала Ядвига. – Нам просто так людей не сдержат, если захотят уйти. Счастье, что пока не хотят или понимают, что там проще не будет.

– Ладно, – махнул рукой Уколов, – уверен, младший лейтенант Жигалкина всё решит. Уж она у нас такая... Решительная! Вон и в Лукогорье порядок навела, и Самсона окрутила быстренько. Думаю, она и Кошечка к ногтю прижмёт.

Баба-Яга хмуро посмотрела на опера, сказала, что язык у него что помело поганая, сплюнула очередную семечку и, прихрамывая, ушла в избушку.

– А где Жигалкина-то? Поди с утра красится-завивается, прихорашивается-наряжается? – спросил Андрей Уколов, потешно изображая лицом и жестами, как прихорашиваются женщины.

И губы уточкой сложил, и глазки соорудил. Но общего настроения это не наладило.

– У неё Рейчел одичала. Связь прервалась, – буркнул Самсон. – Да и вообще обстановка у нас...

Хотел сказать про Кошечку и вдруг понял: не может. Да что за чертовщина-то!

Ава стояла перед зеркалом и смотрела туда, словно ничего не видела. Белая форменная рубашка, серая юбка до колена и начищенные до глянцевого блеска чёрные туфельки, и корот-

кая, многослойная фата на веночке с маленькими бутонами белых роз ей очень шли. Волосы девушка попыталась уложить в сложную причёску, но они, лёгкие, волнистые и пышные, всё равно отказывались лежать как надо. От этого казалось, что Августина витает головой в облаках и вот-вот взлетит.

Самсон замер в дверях – в летней песочной форме, в голубом берете, параднее уж некуда.

Заметив в зеркале движение, девушка обернулась. В глазах её было так много света, что впору зажмуриваться.

– Эй, – сказала Августина. – До свадьбы жениху невесту видеть не положено. Уходи скорее!

– Опять, что ли, примета какая? – удивился Самсон.

Ему хотелось обнимать, трогать, целовать – а вовсе не уходить. Ждать надоело, да и времени уже было порядочно! В клубе небось уже все собрались.

– Примета, – сказала Ава, и её глаза засияли ещё ярче. – погоди. Иди сюда. Если уж пришёл, то...

Самсон шагнул к девушке – спальня была крохотная, хватило и одного шага. Слетела не приколотая никакими шпильками или там булавками фата, встретились жадные губы. Августина целовалась так, словно хотела запомнить этот миг навсегда. Как в последний раз...

И Самсон это понял за секунду до того, как она, оторвавшись от его губ, схватила с кровати слетевшую фату, зажала под мышкой, а затем коснулась правой рукой пальца левой. Только тут Самсон увидел, что на пальце сверкает кольцо. Ни вчера, ни нынче, никогда он этого кольца не видел, но почему-то в один момент понял, что к чему.

– Я не могу просто так убить целую деревню, – прошептала Ава. – Прости, Самсон. Я люблю только тебя.

И пропала вместе с фатой и кольцом – даже избушка, и та ахнуть не успела. Вот только что была в его руках, и нет. Как будто и не было никогда...

В окно всунулась глупая ухмыляющаяся рожа Андрея Уколова.

– Ну вы скоро там, голубки? – спросил он. – О, а где Жигалкина? Только что тут была же!

– Была, да сплыла, – не чувствуя в руках ничего, кроме пустоты, рявкнул Самсон.

– Ну всё, пошли дуб искать, – ни секунды не размышляя, сказал Уколов. – Или что там сперва? Серого волка надо?

Самсон зарычал, выскочил из избушки, оттолкнув по пути отца и Ядвига, которые чего-то там застряли на дороге с какими-то нелепыми теперь словами. Встал посреди улицы, огляделся. Кругом были люди – с цветами, с улыбками, с полными надежды глазами.

– Ядвига Антоновна, отец, – повернулся к избе Самсон. – Никого и ни за что отсюда не выпускайте. Всё ещё хуже, чем мы думали. Я за Авой.

– Куда – за Авой? – не понял Нил Потапович. – Где она?

– Так её Кошей похитил, – пояснил Уколов, по смородине да малине протаптывая себе путь от бокового окошка избушки к крыльцу. – Мы, я так понимаю, выходим на задержание: оперативная группа в моём лице и в лице гражданского лица, добровольца Смирнова Самсона Ниловича. Э-эхх, автомат я не захватил, жаль.

– Голову захватил, и ладно, – сказала Ядвига Антоновна. – Что ж, старые боги вам в помощь, от нового же ничего не дождёшься.

Обняла сначала Самсона, потом Андрея, повесила на шею каждого какие-то обереги – скрученная свитком, сухая до хрупкости кожа, внутри, скорее всего, заговоры на то да на сё. Дунула-плюнула, посмотрела с древней тоской.

– Возвращайтесь с победой, мальчики, – сказала и отвернулась.

– Вот так-так, – сказал Нил Потапович. – погоди-ка, у меня для вас тоже кое-что есть.

Похлопал руками-лопатами, потопал ногами-колоннами, огромный, косматый, и без медвежьего облика вылитый медведь... И рядом оказались два брезентовых рюкзака-колобка. Не слишком полные, видимо, только самым необходимым уложенные.

- Сгодится в дороге-то, мало ли что понадобится, – пояснил Нил Потапыч.
 - Берегите Лукогорье, – сказал Самсон, обнимая отца. – За него Ава себя Кощей отдала.
 - А в каком смысле отдала? В качестве кого или чего? – сунулся любопытный Уколов.
 - А я знаю? – рыкнул Самсон. – Идешь со мной? Тогда помалкивай.
 - Ты от меня не отделаешься, – ухмыльнулся опер. – Пошли уже.
- И они пошли.

ГЛАВА 7. (Августина) Не по хорошу мил, а по милу хорош

Вчерашняя ночь, полная счастья и неги, теперь существовала только в горьких воспоминаниях. Ава злилась на Кощея с каждой минутой всё сильнее, но у неё было дело поважнее, чем изводить себя напрасным гневом. Пока все остальные продолжали собираться и готовиться к вечеру, Ава закрылась в спальне и принялась колдовать. Для начала зелье сварила в кружке на спиртовке, остудила и выпила, потом заговоры отчитала честь по чести. Приложила руку к животу и мрачно улыбнулась.

Потом стала одеваться в парадную форму. Даже новенькие колготки капроновые надела. Похрустывала новенькая белая рубашка, отутюженная на славу юбка сидела на бёдрах как влитая. Так, что ещё-то? Краситься Ава не стала. С ресницами и бровями ей и так повезло, щеки горели таким румянцем, что не запудришь. Поэтому и нужда в макияже отпадала начисто.

Прилаживая к волосам добытую откуда-то избушкой фату, Августина увидела в зеркале увидела обтянутый кожей череп, горящие глаза на бледном, как у смерти, лице, и мертвенно отблескивающую корону. Длинные белые волосы, тонкие, словно паутина, свисали расчёсанными прядями. Рубаха белая вышита чёрными нитками вместо красных...

Увидела и вздрогнула, не сразу поняв, что это не она сама отражается, а показался в отражении соперник Самсона. Явился женишок!

- Да ещё и прихорошился, – буркнула Ава.

– Жду тебя. Дал со всеми попрощаться, – сказал Кощей. – Теперь добро пожаловать в мой дом. Постарался убрать его для тебя. Ни в чём отказа тебе не будет, только стань хозяйкой здесь.

- Это ты, что ли, до официального предложения дозрел? – криво усмехнулась девушка.

Криво – это потому, что губы свело от ненависти, страха и боли. Обложил, выбора никакого не дал, шантажом замуж и в Навь тащит. Как же так?

– Ну вроде того, котёнок, – улыбка Кощея в зеркале тоже была кривоватой, но, кажется, оттого, что Бессмертный не слишком привык улыбаться. – Приходи. У Лукогорья не так уж много времени, а у нас с тобой и того меньше. Жду тебя, ненаглядная.

И пропал. Ава лихорадочно кинулась набивать карманы юбки казалось бы, бесполезными вещами: маленькими свёртками, которые пахли засушенными травами, костяными пуговицами, амулетами. Планшетка! Сумку Ава повесила через плечо, чтобы невзначай не свалилась. Там были пистолет, блокнот с карандашом, перочинный нож, кое-какие зелья из тех, что попроще. И несколько ржанных сухарей, обёрнутых тряпицей.

– Кура, – позвала девушка, глядя в угол над кроватью, чтобы проще было сосредоточиться. – Как там с книгами? Что говорят?

– Авонька, я ничего не нашла на супостата, но зато смогла отыскать за тридевять земель того очкастого инспектора, Кирилла, – затараторила, словно очнувшись, Кура. – Он, оказывается, и впрямь не с нашего мира, с чуждадьнего какого-то, не поняла я особо.

- Да и не надо понимать, – нетерпеливо сказала Августина. – Что сказал?

– Что, скорее всего, обманывает тебя Кощей. Но Кириллу этому, ему надо время, чтобы разобраться: где да как обманывает. Потянешь?

– А что остаётся? – развела руками Ава.

И сердце сжалось. Как его потянуть, это время, если ей буквально руки выкручивают, от любимого человека отрывают? И даже толком объясниться с ним не дают.

Самсон вошёл – и разница между ним и тем, кого Августина увидела в зеркале, поразила в самое сердце. Большой, добрый, надёжный... живой. Буроватые волосы аккуратно причёсаны, голубой берет сидит на круглой голове чуть набекрень. Красавец, да и только, и форма ему к лицу.

Помня о своём колдовстве, о том, какой шаг сделала к победе над Кощеем, Августина потянулась к своему настоящему, истинному мужу. Ей требовался всего один поцелуй, чтобы магия начала действовать. Только один, чтобы всё пошло так, как ей надобно...

Но едва успели поцеловаться, как в зеркале, к которому Самсон оказался спиной, снова появился обтянутый серовой кожей череп.

– Помни, сколько душ на твоей совести будет, – сказал Кощей, и его голос прозвучал в голове Авы – Самсон его явно не слышал. – Между прочим, и оба Смирновых тутешние, никуда не денутся. Понимаешь меня?

Ничего не сказала ему Ава, а только простила с любимым, даже не посмеяв намекнуть, что у них есть ещё капелька надежды. Только коснулась кольца, что жених постылый навязал, и пропала для Самсона и всего Лукогорья.

Кощеев дворец нынче был стыл, хоть и деревянным. Здесь не было запахов. Здесь словно выцветали все цвета, даже кожа собственной руки, на которую посмотрела Ава, показалась ей серовой. Здесь казались приглушёнными звуки.

И единственным ярким пятном был алый камень в центре железной короны Кощея. Да ещё, может, зеленоватые огни в его ввалившихся глазницах.

– Ну здравствуй... Товарищ Кощей, – сказала Августина утрюмо.

– Пришла, – выдохнул он. – Красавица моя.

– Скажи мне, товарищ Кощей, зачем тебе это всё? Начистоту скажи. Зачем тебе сын? Ты же Бессмертный.

– Да будто неизвестно тебе? – спросил Кощей. – Хочу свою власть в Яви упрочить.

– Куда ещё-то? – спросила Ава. – Соглядатаев, как мне показалось, ты и без этого можешь понаделаться из любых людей.

– Не из любых, а только из тех, в ком уже червоточинка имеется, – хмыкнул Кощей.

– И таких предостаточно, – сказала Ава. – И нежити ты, как я погляжу, тоже запросто понаделаться можешь. К тому же, как река Смородина в полную силу войдёт, у тебя даже физически территория увеличится. Хотя и нечестно это! А потому говори, товарищ Кощей, всё честно и всё как есть.

– А я и так с тобою честен, краса моя ненаглядная, – сказал Кощей, да только не было в его голосе ни нежности, ни любви. – Я вообще врать страсть как не люблю. Но сперва заключим с тобой брачный союз, да взойдём на ложе, да удостоверюсь я, что ты наследника мне зачала... И только тогда скажу всё как есть. Гарантия мне нужна.

– Не пойдёт, – сказала Августина. – Мне тоже ох как нужна гарантия, поскольку всю жизнь я тут гнить не намерена, да ещё с ребёнком. Пока прямо и честно мне всё не расскажешь, никакой тебе свадьбы и никакого тебе ложа. Ты мне в тот раз как сказал? Или я тебе женой буду, или пленницей. Так покажи, где пленниц держишь, пойду я. Чего зря время тянуть?

– Но времени-то, – вдруг не на шутку взволновался Кощей, – времени у тебя и так немного. Смотри, не прогадай, Августина, на твоей совести столько всего будет! Сама будешь виновата!

Ава уже раскусила этого негодяя, и потому ей было легче, чем Кощей. Он не понимал её игры. А она могла хоть что-то контролировать. Хотя бы тянущееся время... и ещё кое-что. Что помощь придёт, девушка не сомневалась. И хотя ей было страшно: вдруг что-то да не получится, она понимала, что бездействовать всё равно не сможет.

– У меня есть требования, товарищ Кощей, – твёрдо сказала Августина. – И откуда они не будут выполнены, не видать тебе никакого наследника.

– Но постой, постой, – засуетился Бессмертный. – Как же так? Даже не поглядела, какой стол я тебе приготовил, какие покои!

Особенно остро вспомнилась предпраздничная суматоха в Лукогорье, когда каждый был готов нести на стол всё самое вкусное. Какой запах сегодня стоял там с утра, как пахли пироги, разносолы, запечённые курочки, деликатесы, раздобытые Лесником по спецзаказам! Уколов с его дюжиной бутылок в ящике вспоминался, Кура с её волнением насчёт платья и фаты...

– Покои показывай, – кивнула Ава. – Сегодня всё равно никакой свадьбы не будет, можешь свой стол убирать куда подальше.

Светёлку ей Бессмертный приготовил хорошую, только вот вид из окон был так себе: на бесконечную серую равнину под угрюмым низким небом, затянутым то ли туманом, то ли облаками зеленоватого цвета. По равнине тянулись неровные ряды белых камней, похожих на зубы, да кружили над ними вороны. И белые лошади ходили там, тонкие, с гривами до земли, и отчего-то даже издали было понятно: это не обычные, не живые лошади.

В комнате было почти уютно, кровать стояла пышнотелая, большая, сундуки, как полагаются, большие и внушительные... а главное, дверь запиралась изнутри.

– Вот и отлично, – произнесла Ава, оглядевшись, – а теперь, если уж пленница, то прошу меня запереть и не выпускать. И еду с водой прошу приносить с живой стороны, а то как бы чего со мной не вышло.

– Послушай, – начал Кощей, явно растерявшись от такой наглости, – ты всего лишь ведьма, так что не...

– Я единственная доступная тебе в округе женщина, способная родить ребёнка, – напонила ему Августина. – И я по-прежнему не твоя женщина. Если ты хотел о чём-то договориться, то не с того начал.

Бессмертный подвигал пальцами, поколдовал молча, с сосредоточенным лицом, и в его руках вдруг появился поднос, на котором стояли вазочка с чахлыми цветами, бутылка вина, хлеб и фрукты.

– Шляпуними, – не удержалась Августина от цитаты, и тут же сама ей и засмеялась.

– Что? – не понял Кощей, на котором, конечно же, не было никакой шляпы.

– Говорю, всё равно не с того начал. Шантаж, похищение девушки, всё это уголовно наказуемые в мире живых деяния. Даю тебе, товарищ Кощей, три дня, чтобы подумать, как исправить первое впечатление от тебя как от потенциального жениха. А ты мне – три дня, свободных от тебя.

И, забрав у горе-ухажёра поднос, слегка подтолкнула его, чтоб на пороге не стоял. А потом и дверь захлопнула.

Конечно, засовы и замки от Кощей не спасут. Захочет – достанет! Но у Августины потихоньку вырисовывался психологический портрет преступника, и она уже понимала: пока, к её счастью, он надеется решить всё миром. Зачем уж ему надо добровольное Авино замужество, девушка ещё не выяснила. Но решила, что, скорее всего, это у неё получится.

– Расследование началось, – пробормотала она, – следствие ведёт Баба-Яга.

После чего проверила принесённые дары Бессмертного. Всё это в еду не годилось. Оно было навье. Отведай – и останешься здесь навечно. Только вино было самым обычным, из магазина, даже не откупоренным.

– Придётся превращать вино в воду, – вздохнула девушка. – Ну, поехали.

ГЛАВА 8. (Августина) По секрету всему свету

Когда стало понятно, что прямо сейчас никто больше вредить ни Лукогорью, ни близким Аве людям не станет, девушка немного успокоилась. На душе стало легче, пришло понимание, что действует она правильно и всё не зря. Надежда теперь, конечно, была на Куру и на то, что избушка сумеет дать ей знать, как там дела с добычей информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.